

Рецензия на кн.: **Невьянская икона начала — середины XVIII века / авт.-сост. Е. В. Ройзман, М. В. Ратковский, В. И. Байдин. — Екатеринбург: МНИ, 2014. — 224 с., ил.**

ISBN 978-5-7525-2937-5

За последние три десятилетия в изучении уральского иконописания было сделано необыкновенно много. Пройден путь от определения феномена так называемой невьянской иконы до издания основного комплекса известных памятников и выявления основного круга иконописцев, трудившихся на Урале¹. Однако целый ряд важных вопросов до настоящего времени остается не решенным. В особенности это касается раннего периода истории невьянского иконописания, генетических связей с другими школами и возможных влияний. Вышедшая книга представляет собой серьезную попытку дать ответы на многие нерешенные вопросы.

Альбом-монография имеет центром исследования ранние памятники невьянского иконописания, которые все (на настоящий момент известно 34 иконы) в книге изданы и подробно описаны. Подобного рода подход дает в руки исследователей максимально возможную на настоящий момент репрезентативную источниковую базу и позволяет решать многие вопросы на другом уровне, нежели это можно сделать, изучая разрозненные памятники. Особенно если учесть, что почти половина памятников (16 икон) публикуется в книге впервые.

Изучение всего комплекса сохранившихся памятников позволило Е. В. Ройзману (именно он автор первого очерка и описаний икон (с. 7–171²) выделить основные элементы, характерные для ранней невьянской иконы. Автор распределяет иконы по трем мастерским, которые, по его предположению, работали в Невьянске в первой половине XVIII в., и выделяет ряд памятников, который к этим трем основным мастерским не относится, высказывает весьма обоснованные предположения о возможном авторстве некоторых икон. В описаниях памятников должно быть отмечено большое внимание к деталям. Важно, что с максимальной подробностью, там где это возможно, сообщаются сведения об истории бытования описываемой иконы. Всегда приводится максимально полная библиография публикаций изучения каждой из включенных в каталог икон.

¹ См.: Невьянская икона: альбом-монография. Екатеринбург, 1997; Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII — начала XX в. Екатеринбург, 1998; Красноуфимская икона. Уральские открытия: альбом-каталог. Екатеринбург, 2008; Невьянского письма благая весть. Невьянская икона в церковных и частных собраниях. Екатеринбург, 2009; Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2002–2013. Вып. I–IV и др.

² Здесь и далее отсылки к страницам рецензируемой книги в тексте.

Особо должна быть отмечена попытка найти и обобщить материал о «донецком» периоде уральского иконописания. Немногочисленные ранние иконы, бытовавшие на Урале, выявлены и описаны. Обзорение этого материала позволяет Е. В. Ройзману заключить: «Невьянское иконописание в первой половине XVIII в., в самом своем начале, не продолжало здесь никакую местную школу или традицию, потому что таковых не было, и развивалось самостоятельно, опираясь на вкус заказчиков и формируя его» (с. 14).

Второй очерк (с. 172–181) в книге написан М. В. Ратковским, реставратором, непосредственно работавшим почти с каждой иконой из учтенных в рецензируемом издании и много реставрировавшим невьянскую икону вообще. В кратком, но емком очерке дана характеристика стилистических особенностей невьянской иконописной школы периода становления и тех изменений, которые происходят в невьянской иконе во второй половине XVIII в.

Завершают книгу подготовленные В. И. Байдиным материалы к словарю старообрядческих иконописцев, трудившихся на горных заводах Урала в начале — середине XVIII в. Четырнадцать словарных статей (с. 186–207) посвящены как отдельным иконописцам, так и семейным кланам, занимавшимся иконописанием.

В. И. Байдин известен как мастер биографических реконструкций, хорошо знающий источники по истории горнозаводского Урала XVIII в. и умело сочетающий исследовательское дерзновение с предельно аккуратным отношением к факту, скрупулезным вниманием к мелочам и деталям. Его просопографические штудии предлагают к осмыслению большой новый материал и представляют с особой серьезностью отнестись к наблюдениям и выводам о факторах, повлиявших на становление невьянской школы иконописания и определивших ее своеобразие. Эти выводы и наблюдения изложены В. И. Байдиным в статье, предваряющей словарные материалы (с. 182–186). Кратко суммируем их: 1) определяющее влияние «на уральскую старообрядческую иконопись в период её становления» оказали иконописные традиции Поволжья: Ярославля и, в первую очередь, Нижнего Новгорода; 2) сами иконы и биографии ряда иконописцев с определенностью позволяют говорить о влиянии на становление уральской иконописи «школы Оружейной палаты конца XVII — начала XVIII вв.»; 3) вызывает сомнение высказанное И. Л. Бусевой-Давыдовой³ предположение об уральских центрах поморского старообрядчества, как источниках влияния на горнозаводскую иконопись «северных» писем в их выговском варианте, «строгановской» школы, а позднее «романовских писем» (с. 183); 4) отмечаемое в ранней уральской иконе влияние «строгановской» школы с

³ Бусева-Давыдова И. Л. Невьянская иконопись среди других старообрядческих иконописных центров // Невьянского письма благая весть. Невьянская икона в церковных и частных собраниях. Екатеринбург, 2009. С. 15–17.

наибольшей вероятностью было воспринято через Нижний Новгород; 5) вызывает сомнение самое существование местных центров поморского согласия в ранний период, а влияние Выга можно относить скорее к 1730–1750 гг. и «для ранней “невьянской” иконы вряд ли следует считать определяющим» (с. 185); 6) стилистическое и композиционное сходство отдельных невянских икон с «романовскими письмами» объясняется общими источниками, а не зависимостью первых от последних; 7) феномен «невьянской» иконы во многом обусловлен «культурно-социальными запросами “среднего сословия” в его уральской ипостаси, когда к торгово-промышленным слоям нередко принадлежали как заказчики образов, так и их исполнители» (с. 182); 8) «невьянская» икона играла большую роль в процессе «культурной самоидентификации урало-сибирской беглопоповщины» и сформировавшегося позднее на её основе часовенного согласия, с которым «невьянская» икона прочно ассоциируется.

С этими наблюдениями и выводами трудно не соглашаться — материал, приводимый В. И. Байдиным, убедительно свидетельствует в их пользу. Некоторые возражения вызывает, пожалуй, лишь сомнение в раннем существовании местных центров поморского согласия на Урале (с. Таватуй и Краснопольская слобода). Сомнение это важно для В. И. Байдина как аргумент, позволяющий дезавуировать высказанное И. Л. Бусевой-Давыдовой предположение о том, что влияние на уральскую горнозаводскую иконопись «северных» писем в их выговском варианте, “строгановской” школы, а позднее “романовских писем”» (с. 183) могло осуществляться через эти центры⁴.

Но вопрос о существовании этих старообрядческих центров и вопрос о возможном влиянии их на местную иконопись следует разделять. Если рассматривать раннюю историю старообрядчества на Урале, то невозможно не говорить о роли Выговского общежительства в формировании местных центров поморского согласия, и возникает соблазн некой излишней «выгоцентричности». Исследователи говорят о выговских эмиссарах, выговских миссионерах, которые приходят с Выга и образуют тот или иной центр поморского староверия. В определенном смысле состояние источников нам позволяет именно так думать и говорить: созданные на Выге сочинения рассказывают о деятельности посланников обители на Урале и в Сибири. Реальные же процессы были несколько иными, более сложными. Старообрядческие общины на Урале и в Сибири существовали и до того как образовалось Выговское общежительство. Многие из этих общин, если не большинство, в ранний период были склонны к беспоповской обрядовой практике и ориентированы, если можно так ска-

⁴ О с. Таватуй и Краснопольской слободе, как центрах поморского согласия на Урале, И. Л. Бусева-Давыдова говорит, опираясь на нашу работу: Мангилев П. И., *прот.* К истории поморского согласия на Урале в XVIII — XX вв. // Очерки по истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 6–7.

зять, на северно-русский тип благочестия, во многом связанный с Соловецким монастырем. После разгрома Соловецкой обители иноки оттуда и из других северных монастырей, ориентированные на этот тип благочестия, разбрелись по Русскому Северу, пришли на Урал и в Сибирь. Это было обусловлено во многом особенностями колонизации Урало-Сибирского региона в тот период, теми связями, которые традиционно существовали у Русского Севера, у Поморья с Уралом и Сибирью. Выговское общежительство, при посредстве своих эмиссаров, не столько насаждает в Урало-Сибирском регионе беспоповщину, поморское старообрядчество, сколько объединяет единомысленных⁵.

Конечно, возражения В. И. Байдина по Таватую следует признать вполне обоснованными. Можно принять, до известной степени, также возражения по Краснопольской слободе (наши предположения основываются на косвенных данных). Но даже если Таватую еще не было и в Краснопольской слободе не было старообрядцев-поморцев, то это совсем не означает, что не было других центров беспоповщины на Урале.

Другой вопрос: насколько сильно в ранний период Выговское общежительство могло влиять в культурном плане на уральских беспоповцев? Ведь и само Выговское общежительство, возникшее в конце XVII в., в начале XVIII в. переживает период становления, и те особенности, которые в последующее время будут определять культурное лицо обители, только начинают складываться. Кроме того, для появления такого феномена, как невьянская икона, возникновения одних только беспоповских или беглопоповских старообрядческих центров мало. Нужны еще и другие условия, в частности материальные. Об этом говорят и сами авторы альбома-монографии, указывая на появление заводов и относительную состоятельность заводских жителей, как на факторы, способствовавшие появлению феномена невьянской иконы.

В целом же влияние Выга (поморской беспоповщины) на уральское старообрядчество нельзя недооценивать. Вполне возможно, что некоторые особенности развития урало-сибирской беглопоповщины сложились не без влияния поморского согласия. Например, устойчивое стремление части уральских беглопоповцев к беспоповской практике, которое завершилось формированием часовенного согласия. Этот вопрос, конечно, требует более детального изучения, но

⁵ Об этом писал еще П. С. Смирнов (*Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам*, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. 124–183). Об этом же говорят старообрядческие источники: «На Таватую, и в Тюмене, и далее в Таре в дальном разстоянии вси были нераздельно, и многое множество есть. Прежде Данилова монастыря еще бежали из Помория, а обычаи сходно с нами во всяком службе». См.: [Грамота Петра Игнатьевича и других поморских отцов против федосеевцев. Сер. — втор. пол. XVIII в.] // *Рукописи Верхотамья XV–XX вв. Каталог*. М., 1994. С. 238. Подробнее см.: *Мангилев П. И. Старообрядчество и крестьянская книжность Южного Урала и Зауралья в XVIII – начале XX вв.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008. С. 44–49.*

для примера укажем, что весьма авторитетный среди уральских беглопоповцев инок-схимник Максим († 27 мая 1783 г.)⁶ в своих рассуждениях о Евхаристии активно использует ответ на 104 вопрос из «Поморских ответов»⁷. Однако это отдельная тема.

Возвращаясь к рецензируемой книге, отметим, что она хорошо издана, богато иллюстрирована. Последнее в рецензии на альбом, как кажется, можно было бы и не указывать — иначе и быть не должно. Но здесь мы хотели бы отметить не только издание самих памятников, но и многочисленные сопутствующие иллюстрации: виды уральских заводов, миниатюры из рукописей, обильный фотоматериал, рассказывающий о многообразной деятельности музея «Невьянская икона». В качестве приложения-вкладки издание сопровождает фрагмент ландкарты Екатеринбургского ведомства и сопредельных территорий (1734–1736 гг.). Книга содержит пространные резюме всех трех очерков и каталог памятников на английском языке (с. 210–221). Отметим только одну замеченную нами досадную опечатку: «один из пределов которой (церкви. — П. М.)» (с. 183) — надо: приделов.

Перед нами хорошая книга! Специалисты-исследователи получили добротное монографическое исследование раннего невьянского иконописания. Исследование, которое дает новое знание и может служить отправной точкой дальнейшего изучения такого выдающегося явления, как невьянская икона. Широкий читатель получил познавательную, написанную хорошим языком книгу, увлекательно и интересно рассказывающую об истории и культуре Уральского края.

Протоиерей Петр Мангилев

⁶ О нем см.: *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 127–141.

⁷ *Максим, инок-схимник.* Цветник. Ответы на 61 вопрос Тимофея Борисовича Заверткина. Рукопись, 1835 г. 4°, 179 л. Библиотека ЕДС, инв. № 49322. Л. 80 и сл.